

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

Самир Исмаил

Кафедра политологии
Дамасский университет
Тель Мнин, Дамаск, Сирия, 961111

В статье анализируется роль арабских стран в современной системе международных отношений. По мнению автора, западные государства (в первую очередь США) в настоящее время в целом продолжают придерживаться неоколониальной парадигмы по отношению к странам Ближнего Востока.

Исследование проблематики, касающейся Ближнего Востока и его места в системе международной политики, методологически предполагает изучение и анализ того, что принято называть кризисом современной арабской государственности. Системные кризисы, переживаемые арабским миром, стали одним из его уязвимых мест, используемых внешними силами для легитимации своих действий, направленных на реализацию собственных интересов. С точки зрения направленности и используемых средств эти действия во многом напоминают былые времена — период «классического» колониализма. Разница в том, что если в конце 19 — начале 20 века в идеологический набор колонизаторов входили такие выражения, как «установление опеки» и «заполнение вакуума», то на рубеже 20—21 веков на смену им пришли идеи вроде «проекта реформ». С одной стороны, это стало своеобразным отражением перемен, произошедших в глобальном, региональном и локальном масштабах: сегодня трудно говорить об «опеке», поскольку народы «достигли совершеннолетия». Тем не менее, по сути, все та же опека стала сегодня неотъемлемым элементом планов установления новой гегемонии. Такая трансформация имеет определенный смысл с точки зрения идейно-политического видения ситуации, однако сути вопроса она отнюдь не меняет. Иными словами, политический менталитет, породивший идеологию классического колониализма, остался прежним; просто для новых условий подобраны «подходящие» словесные оболочки.

Таким образом, мы имеем дело со сменой средств, обусловленной изменением ситуации — при сохранении все той же колониальной политики, допускающей возможность вмешательства в дела регионов, пока не превратившихся из «объекта» в «субъект» международной политики. Применительно к арабскому миру можно говорить о том, что предпосылки, делающие возможным внешнее вмешательство и возрождение разного рода иностранных «проектов», обусловлены низким уровнем легитимности современных арабских государств по сравнению с недавним прошлым, а также активностью крупных международных блоков.

Структурные кризисы в арабском мире предоставили мировым центрам силы удобный повод, позволяющий придать видимость легитимности вмешательству в дела этого региона для осуществления своих интересов и установления контроля над ним (точно так же, как в прошлом колониальные державы пользовались такими кризисами для вмешательства, которое тогда называлось «установлением опеки», «заполнением вакуума» и т.п.). Применяемые при этом средства разнятся в зависимости от характера таких кризисов и степени их остроты (см.: [6; 13]).

Нельзя отрицать того, что современная обстановка в арабском мире и вокруг него складывается весьма драматично. С одной стороны, национальные государства здесь уже не обладают прежней степенью легитимности [5. С. 67—68]. Причем такая утрата легитимности (пусть и в разной степени) ощущается не только внутри самих этих государств, но и в отношении к ним извне — особенно в свете современной эволюции системы международных отношений, когда крупные центры силы перестали всерьез считаться с суверенитетом национальных государств [1. С. 117—118]. С другой стороны, чтобы угнаться за все ускоряющимся лавинообразным развитием науки, техники и информатики, сегодня необходимо объединяться в крупные межгосударственные блоки. Даже такие державы, как Германия, Франция и Великобритания, не поспевают за современным прогрессом; что уж говорить об арабских странах.

В связи с этим существенные изменения претерпел юнионистский дискурс в арабском мире. Сегодня полемика вокруг перспектив объединения ведется уже не между «юнионистами» и «сепаратистами», не между проповедниками арабского единства и адептами безусловного суверенитета отдельных государств. Сейчас спор идет между теми, кто призывает к объединению арабской нации и активизации межарабской региональной системы, представленной Лигой арабских государств [3. С. 320], с одной стороны, и проводниками идеи построения «Большого Ближнего Востока», или «Нового Ближнего Востока», продвигаемой Соединенными Штатами и пользующейся поддержкой «семерки» индустриальных держав, — с другой.

Можно сказать, что методы насильственной аннексии ныне преодолены человечеством и остались в прошлом. В современной политической мысли устоялся принцип права народов на самоопределение. К тому же сегодня любое политическое образование, испытывающее дефицит внутренних возможностей и ресурсов, может прибегнуть к помощи внешних сил для защиты своей неза-

висимости. Вместе с тем последние изменения в системе международных отношений создают возможности для вмешательства внешних сил в любую внутреннюю коллизию или ситуацию, которая, как представляется этим силам, может повлиять на их интересы — даже если такая ситуация по определению должна быть урегулирована самим государством в соответствии с нормами национального суверенитета (см.: [14]). Так произошло, например, применительно к сирийско-ливанскому досье, раскрученному теми, кто сейчас, благодаря произошедшему изменению баланса сил, получил возможность вмешиваться в дела обоих государств.

Из-за того, что арабский мир на сегодняшний день еще не осознал общности своих коренных интересов, высших интересов арабской нации, на свет появилось множество новых зарубежных стратегий, примеряемых к этому региону (см.: [11]). Не случайно неогегемонистские силы стараются вдохнуть жизнь в старую идею «Ближнего Востока», которая некогда являлась частью колониальной политики Запада в отношении «Восточного вопроса» и дележа наследства «больного человека Европы». Активизация гегемонистской политики по отношению к арабскому миру, и в особенности актуализация старой идеи «Ближнего Востока» в современной международной политике, свидетельствует о глубине падения арабского мира, вернувшегося к временам, предшествовавшим образованию современных арабских государств. Это означает, что арабский мир вновь стал пассивным «объектом», «материалом» для международной политики с ее разнообразными проектами — вместо того, чтобы стать единой силой, независимо и эффективно участвующей в международных отношениях вообще и в построении новой международной системы в частности.

Исторически идея «Большого Ближнего Востока» возникла в связи с двумя обстоятельствами: упадком и отсталостью Османской империи, включавшей в свой состав арабский мир, и подъемом европейского колониализма. «Ближний Восток» стал объектом борьбы интересов на мировой арене и частью стратегических планов установления геополитической гегемонии (см.: [16]). И появление этой идеи на современном этапе означает только одно: что возникли новые варианты старой стратегии, причем роли сторон практически не изменились.

Таким образом, в данном контексте современную международную политику в отношении «Ближнего Востока» можно расценивать как новое звено старой цепи. Сегодня мировые державы (в первую очередь США) заявляют, что их цель заключается в том, чтобы добиться коренных преобразований на «Ближнем Востоке», развития его культуры вообще и политической культуры в частности, поскольку недостаток такой культуры является одной из главных причин его нынешней отсталости.

Сейчас эта идея воплощена в лозунге «реформ», якобы необходимых ввиду переживаемых регионом острых кризисов, которые уже не являются внутренним делом тех или иных отдельных государств, но приобрели региональное и международное звучание. Авторы идеи «реформирования» пытаются заручиться симпатиями и поддержкой народов региона, а также всего мирового сообщества, утверждая, что их проект нацелен на поддержание международной безопасности.

Однако американские стратеги не ограничиваются заявлениями о необходимости реформ. Они выдвигают целый ряд других лозунгов, особенно применительно к тем странам, в которых желательно добиться перемен. Варианты здесь могут быть различными — в зависимости от того, какой подход представляется оптимальным в свете интересов США. Например, в отношении Саудовской Аравии и государств Персидского залива на первый план выдвигается идея защиты прав человека, и лишь затем — необходимость противостояния терроризму и насилию. А применительно к Ираку и Сирии вначале критикуют терроризм, а потом — ущемление прав и свобод. Если же та или иная страна соглашается выполнить требования мировых держав (как это сделала Ливия), то всякая критика, связанная с правами человека, терроризмом и оружием массового поражения, сходит на нет и выводится из обращения.

Можно сказать, что сами лозунги, выдвигаемые в рамках проектов реформ, меняются по мере развития международных событий. Сегодня они адресуются уже не только региону «Ближнего Востока».

Эта трансформация произошла в два этапа. Первый из них — это период, предшествовавший событиям 11 сентября 2001 г. Тогда говорили, в основном, о поощрении демократии, установлении эффективных систем управления, эмансипации женщин, прозрачности, борьбе с коррупцией, укреплении гражданского общества, стимулировании частного сектора, вступлении в ВТО в целях развития международной торговли, создании специальных экспортных зон и зон свободной торговли. После сентябрьских событий наступил второй этап. Все перечисленные лозунги были отодвинуты на задний план, а первостепенное внимание стало уделяться проблемам борьбы с терроризмом и террористами, причем арабские страны, согласно американскому видению, стали основными поставщиками того и другого [15. С. 225].

Не вызывает ни малейших сомнений, что мировые центры силы, призывающие к реформам и переменам в регионе «Ближнего Востока», стремятся к защите собственных интересов. Более того, в зависимости от изменений на международной арене они меняют способы и приемы поддержания этих интересов, стараясь не утратить международной легитимности (см.: [17]) Для продвижения этих интересов используются структурные кризисы, переживаемые арабскими государствами.

В соответствии с нормами современных международных отношений какая-либо из мировых держав сегодня не может заявить, что хочет поставить под свой контроль тот или иной регион мира, поскольку этим обеспечиваются его интересы. Зато вполне приемлемо (и этим можно даже снискать международную легитимность) заявить, что кризисы, происходящие в том или ином государстве (особенно если это слабое государство, расположенное где-нибудь в «третьем мире»), угрожают стабильности международной системы — и благосклонность мирового общественного мнения будет обеспечена. Тем более, что события 11 сентября дали Соединенным Штатам и другим державам сильнейший козырь, позволяющий им вмешиваться в дела любого государства под предлогом того, что оно является рассадником терроризма и насилия (см.: [12]).

Однако на поверхности одно, а в глубине — совсем другое. Если взять, например, проект «Большого Ближнего Востока» и его объявленные цели (реформа, демократия, права человека), то достаточно взглянуть на то, как он практически воплощается в жизнь в Ираке. Здесь мы увидим примитивную демократию, искусственно насаждаемую путем создания этноконфессиональных кантонов в соответствии с интересами США (см.: [4; 8]). Следовательно, в масштабах арабского мира вопрос стоит не о выборе между единством и раздробленностью, а о выборе между общенациональной интеграцией и расчленением по этническому, конфессиональному и доктринальному признаку. Если возобладает последний вариант, то мы получим мозаичную общность, лишенную четко выраженной идентичности и всегда готовую к борьбе и вооруженному противостоянию между отдельными ее частями.

Пример «реформ», проводимых в Ираке, механизм, используемый для их осуществления, и первые итоги этого процесса демонстрируют сущность целей, к достижению которых стремятся «реформаторы». Американские рассуждения о «реформах», подготавливающих создание «Большого», или «Нового Ближнего Востока», вовсе не предполагают построения подлинной демократии в регионе, поскольку это не отвечало бы интересам военно-промышленного и нефтяного комплексов США, играющих первостепенную роль в принятии решений в этой стране [9. С. 26—43]. И пример Ирака может служить ярким тому подтверждением. Накануне развязывания войны из уст представителей американской администрации слышались разговоры о решимости приступить к кардинальному реформированию арабских обществ после выполнения миссии по «освобождению Ирака». Вместо «оккупации» авторы идеи преобразований употребляли слово «трансформация» (см.: [18]).

Вехи «построения демократии» в Ираке — формирование «Совета руководства», затем «временного правительства» и принятие «временной конституции» — отразили стремление изолировать Ирак от его общеарабской идентичности, отделить иракцев от арабской нации. Они также опасно затронули социальную структуру этой страны. Ведь, помимо изоляции от арабского мира, руководящие органы Ирака формировались и конституция принималась на основе этнического и конфессионального паритета, а первостепенное значение придавалась родовой (родоплеменной) принадлежности. Таким образом, приоритет отдавался лояльности по отношению к более мелким (по сравнению с национальной) общностям, а существующее социальное разобщение закреплялось в основополагающих документах. Очевидно, что такая практика противоречит элементарным нормам демократии, предполагающим полное равенство между всеми гражданами. Противоречит она и принципам гражданственности.

В международном аспекте использование на саммите «восьмерки» термина «Большой Ближний Восток» в качестве девиза инициативы «реформ», имеющей американское происхождение, свидетельствует о существующем в рамках «восьмерки» консенсусе. Руководители индустриальных держав рассматривают регион как некое географическое пространство, а отнюдь не как очаг арабской цивили-

лизации и культуры, ареал распространения ислама, район, располагающий особым культурным наследием, разделяющий специфические ценности и специфические нормы поведения. Такой подход вполне соотносится с образом мыслей и действий европейских колонизаторов и их американских наследников, которые, ничтоже сумняшеся, прилагали надуманные востоковедческие постулаты к реалиям арабского мира. Между тем этот мир располагает всеми признаваемыми современной политической мыслью предпосылками для национального бытия, высоким уровнем гомогенности, основанной на общности происхождения, языка, культуры, ценностей и образа жизни. Это признается наиболее точными и честными социологическими исследованиями [2. С. 189—229].

Политика международных центров силы (в первую очередь США) отталкивается прежде всего от собственных представлений о событиях. Они ставят перед собой задачу произвести так называемый «качественный поворот» в политике по отношению к своим арабским и мусульманским «друзьям» и «союзникам» после окончания эпохи «холодной войны». Цель такого поворота заключается в том, чтобы активнее адаптировать их к «реформам» в их новой редакции (особенно американской), независимо от того, насколько они («реформы») окажутся адекватными и приемлемыми. Добиться желаемой адаптации будет нелегко [7. С. 512—513]. Тем более, что наиболее заметным признаком современного этапа в арабском мире стало снижение остроты внутренних угроз для правящих режимов. Военных переворотов, столь частых прежде, здесь больше не случается, а шансов на их успешное осуществление почти не осталось. Отсутствуют объективные и субъективные условия для массовых революций. Поэтому главная угроза для арабских правительств исходит сегодня в первую очередь извне.

Однако основная проблема как для властей предрежащих, так и для представителей современной арабской политической мысли заключается в том, что они все еще не осознают сути происходящих перемен и создаваемых ими новых потенциальных возможностей, связанных с вмешательством во внутренние дела. И наиболее ярким отражением этих новых возможностей можно считать как раз предлагаемые проекты реформирования, независимо от их формы или объявленного содержания.

В заключение остается отметить, что разговоры о переустройстве арабского региона стали вестись американцами не сегодня. Они связаны не с событиями 11 сентября 2001 г. Начались они и не в 1989 г., когда в связи с ликвидацией советской угрозы и распадом социалистического лагеря вашингтонские стратеги объявили ислам своим новым «врагом номер один». Еще в начале 1957 г. администрация США провозгласила «доктрину Эйзенхауэра», предусматривающую «заполнение вакуума на Ближнем Востоке» ввиду падения престижа и утраты эффективности старых колониальных держав — Англии и Франции — после Тройственной агрессии против Египта осенью 1956 г. Уже в те времена мишенью для американцев стало арабское национально-объединительное движение. К объявленной тогда войне против националистической мысли и национального действия арабов были привлечены самые разные арабские режимы

и организации — от крайне правых до крайне левых (как это происходит и сегодня в связи с объявленной войной против терроризма). Эти режимы и организации усматривали тогда главную угрозу для своих интересов не в американском империализме и не в сионизме, а в арабском националистическом движении, стремившемся добиться единства и социальной трансформации арабской нации.

И все же «война идей» в эпоху Буша-младшего и администрации «неоконсерваторов» отличается от той, что велась во времена Эйзенхауэра (см.: [10]). Тогда «холодная война» против Советского Союза налагала определенные ограничения на поведение американцев в «третьем мире». В американском политическом дискурсе того времени не было явных расистских ноток. А арабские и мусульманские режимы и организации обладали определенным авторитетом и весом в глазах американской администрации. Сегодня баланса сил в международной политике больше не существует. В нынешнем дискурсе и практике американской администрации нет ничего, что свидетельствовало бы о том, что арабы рассматриваются ею как древняя нация, внесшая значительный вклад в копилку человеческой цивилизации. Совсем наоборот: дело подается так, что администрация США противостоит архаичным коррумпированным режимам, обществам, лишенным воли и здоровых амбиций, людям, одержимым ксенофобией и изоляционизмом, прогнившим ценностям и отжившей культуре, которая является главным источником насилия и терроризма!

С этой ситуацией связаны изменения в американской стратегии по отношению к «Ближнему Востоку» и арабскому миру. Прямое военное вмешательство в Ираке стало, пожалуй, первой и наиболее масштабной «разминкой» в рамках этой новой стратегии. Оно представляет собой попытку воплотить в жизнь «стратегические проекты», которых немало накопилось на протяжении истории американского «теоретизирования» в отношении ближневосточного региона, и отражает сущность идеологии неоконсерваторов. Однако этот «эксперимент» демонстрирует узость и бесперспективность подобных подходов. Дело в том, что проекты, пригодные к практическому воплощению, не могут носить на себе ярлык «сделано в США». Всякий крупный проект, особенно если он касается Ближнего Востока или, в более узком смысле, арабского мира, может быть успешным лишь в том случае, если будет иметь местное происхождение и опираться на собственный опыт и практику региона.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Аббас А.Х. Суверинитет. — Дамаск, Дар Аль-Хасад, 1994 (на араб. яз.).
- [2] Аль-Джанаби М. Ирак — актуализация будущего. — Дамаск, Дар Аль-Мада, 2004 (на араб. яз.).
- [3] Ахмад А.Ю. Арабский мир — цивилизационный подход // Марказ Дйрасат Алоахда, 2001 (на араб. яз.).
- [4] Биликзез А. Невыполнимый проект // Аль-мостакбал араби. — 29.05.2003 (на араб. яз.).
- [5] Биликзез А. Политическая реформа в арабском мире // Дирасат Фикриа. — 04.07.2004 (на араб. яз.).

- [6] Зорькин В. Апология Вестфальской системы // Россия в глобальной политике. — 2004. — № 3.
- [7] Исин А. Третья мировая война — 11.09. и международный мир. — Дамаск, Дар Аль-Мада, 2003 (на араб. яз.).
- [8] Кордсман А. Выборы в Ираке — обратная сторона сказки // Аль-мостакбал араби, 2003 (на араб. яз.).
- [9] Лоран И. Война семейства Буша. — Дар Аль Хаиал, 2003 (на араб. яз.).
- [10] Ричи Р. «Упрямец» Буш и «заговор Голливуда» // Россия в глобальной политике. — 2004. — № 3.
- [11] Сирия эпохи Башшара Аль-Асада. — 11-2-2004 // www.internationalcrisisgroub.com (на араб. яз.).
- [12] Хаас Р. Конец эпохи? // Россия в глобальной политике. — 2006. — № 6.
- [13] Хоуг Дж. Глобальный передел // Россия в глобальной политике. — 2004. — № 3.
- [14] Хоуг Дж. Сдвиг в глобальной расстановке сил // Россия в глобальной политике. — 2004. — № 4.
- [15] Шимд И.Д. Роль случайности и глупости в изменении хода истории. — Дамаск, Дар Аль-Мада, 2002 (на араб. яз.).
- [16] Эрдоган Р.Т. Широкий взгляд на «Большой Ближний Восток» // Россия в глобальной политике. — 2004. — № 4.

Интернет-ресурсы

- [17] Bodansky Y. Peres and The New Middle East. — 12 December 2004 // www.freeman.org
- [18] The President of the USA, speech on the web site of American foreign ministry // www.usinfo.state.gov

THE MIDDLE EAST IN THE MODERN SYSTEM OF WORLD POLITICS

Samir Ismail

The Faculty of Political sciences
Damascus University
Tel Mnin, Damascus, Syria, 961111

The article is devoted to the analysis of the role of Arabic countries in the modern system of international relations. The author states that Western powers (especially the USA) still apply the neo-colonial paradigm to the countries of the Middle East.